

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА

ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕИ В С.С.С.Р.

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва 19, Храм Христа Спасителя.

Редакция „Вестника Св. Синода“.

№ 7-8 (40-41)

1929 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 г.

Подписная цена: на 10 №№—6 руб.
за 6 №№—4 руб.

Цена отдельного №—60 коп.

Двойного №—1 руб.

Наложенным платежом журнал высылается
на сумму не менее 3-х рублей.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Официальная часть

Пасхальное приветствие Священному Синоду Константинопольского Василия III.

Пасхальное приветствие Священному Синоду Иерусалимского Патриарха Дамиана.

II. Догматика

Новые приемы защиты православия
О священстве.

5. Что такое трезвенники.

6. Сектанские гимны. (В порядке самозащиты).

7. Почитание святых. (Догматический этюд против сектантов в порядке самозащиты) Проф. В. З. Белоликова.

8. Новые слова „Томских Григорианцев“ староцерковников. Архиепископа Томского Сергия.

Исходящий № 805.

Пасхальное приветствие Священному Синоду Константинопольского Патриарха Василия III.

Высокопреосвященнейший Митрополит Московский, во Святом Духе возлюбленный брат и сослужитель нашей мерности, Кир-Веннамин. Председатель Российского Священного Синода.

Благодать да пребудет с Вашим Высокопреосвященством и мир от Бога.

В великую радость получили мы горячее праздничное приветствие, которое Ваше возлюбленное Высокопреосвященство с находящимися вместе с Вами членами Священного Синода послало нам, от лица и других пастырей и благочестивого народа, с нареченным и святым днем-празднованием славного воскресения нашего Господа.

„Воистину воскрес“, возлюбленные!

Благодать святого Воскресения нашего Спасителя да пребудет с Вами и со всею Святою Вашею Церковью и благочестивым народом!

Поистине радость наша усугубилась от того, что утверждаете Вы относительно выявления и укрепления духа любви и единства между благочестивым народом.

Да утвердит Господь у всех этот дух любви и единодушия, чтобы под его живительным

дыханием уничтожилось горестное средостение церковного разделения и рассечения и чтобы снова явилась единою и заблестала славою общая ваша мать—Святая Российская Церковь, коей настоящее бедственное состояние из-за разделения всем вам причиняет величайший вред и глубоко печалит братские Церкви.

Да дарует Господь всем мир свой, который Он по воскресении даровал ученикам Своим, изрекши: „мир вам“, чтобы радость всех о святом воскресении была полною во взаимных любви и мире.

Благодать славно Восставшего Господа да утешит скоро Святую Вашу Церковь восстановлением единодушия и единства в ней.

1929 г. Мая 13-го.

Патриарх Константинопольский Василий, возлюбленный во Христе брат,

Пасхальное приветствие Священному Синоду Иерусалимского Патриарха Дамиана.

Высокопреосвященнейший митрополит Ленинградский и Председатель Священного Синода Святейшей Православной Церкви в России, в Христе Боге возлюбленный брат наш и соелужитель нашей верности, Кир Вениамин.

Ваше возжеленнейшее Высокопреосвященство святым лобзанием целую, с удовольствием приветствую.

Святейшая мать Церковь, облеченная в торжественную одежду и озаренная небесным светом, ныне все просветившим, торжествует и радуется, покланяясь славно Восставшему из мертвых Подателю Жизни, Коего за день перед тем, оплакивая, как смертного, положила во гробе.

Утру глубокоу, и мы, подобного мирноносцам, божественным снисхождением удостоились служить там, где чудесно совершилось спасение рода человеческого. Окруживши Живоносный Гроб, вместе с собравшимися благочестивыми поклонниками, мы в радости воспели благодарственные песни Победителю смерти и, принеся божественную и бескровную жертву на том самом Гробе, откуда, неся знамение победы, восстал Спаситель, с великою любовью воспомянули мы и почтенное имя Вашего превознесенного Высокопреосвященства, испросивши всякую благодать Вам от Воскресшего Христа.

Теперь мы мысленно достигаем Вас, нося в устах сладко звучности небесное приветст-

вие „Христос Воскресе“, и от всего сердца приносим те же самые молитвы, прося Воссиявшее от Гроба Солнце Правды сподобить Вас совершить настоящий великий и спасительный праздник в здравии и радости и укрепить Вас в подвиге управления вверенной Вам Святейшей Церкви и в руководителстве Вашего стада на спасительные и удобные Христу пажити.

Братски уполномачиваем Вашу любовь передать наши пасхальные приветствия и молитвенные пожелания составляющим, вместе с Вами, святым и священным Синод—Преподобнейшим Архипастырям и возлюбленным во Христе братьям, снова воздаем Вам святое лобзание во Христе Воскресшем и заканчиваем.

1929 г. Апреля 22.

Возлюбленного и Досточтимого Вашего Высокопреосвященства во Христе брат—преданный Вам—Патриарх Иерусалимский **Дамиан**.

Новые приемы защиты православия.

(К характеристике староцерковничества).

Принято думать, что гнездом староцерковничества является Москва. Может быть, географически это и правильно, но идеологическим центром является скорее Нижний Новгород, в котором староцерковничество нашло благоприятную почву в виде старообрядческого духа, который крепко сидит в Нижнем Новгороде. Говорят, что один нижегородский подвижник так характеризовал этот город: „Город каменный, а люди железные“. Чем то действительно железным веет от „православия“ в Нижнем и от оригинальных попыток спасения этого староцерковнического православия со стороны тех, для кого это является выгодным. Укажем несколько примеров. В Благовещенском соборе, в котором служит православный обновленческий митрополит, находится весьма чтимая местная святыня—Оранская икона Божией Матери. Эту икону брали раньше в староцерковные храмы с торжественными крестными ходами. Вот тут и сказывалась оригинальная хитрость староцерковников. Митрополит Сергей объявил своим верным, что эта икона, пока она находится в обновленческом храме, есть доска и краски. Но вот ее берут

из обновленческого храма и несут в тихоновскую, потому что простые верующие очевидно, больше разбираются в догматических вопросах, чем их архипастыри. По выносе из Благовещенского храма ее обязательно заносят в храм св. Алексея митрополита, стоящий на той же площади, но находящийся в пользовании староцерковников, и здесь она, по толкованию ворот староцерковников, делается Благодатной и таким образом приемлемой для староцерковников и вносится в староцерковный храм и почитается здесь как величайшая святыня Нижнего Новгорода. Закончился прием иконы в других храмах, несут ее обратно в Благовещенский собор. Но по дороге ее опять заносят в Алексеевский храм и здесь по молитвам староцерковного православия, благодать опять покидает Оранскую икону и в Благовещенский собор возвращается доска и краски.

Что же это кощунство или недомыслие, или простое религиозно-каноническое помешательство; грани между ними провести нельзя.

Но ведь верующие все-таки хотят почитать святыню. Как же быть в обычное время? В обновленческие храмы

345. находить строжайше запрещено, молиться с еретиками-обновленцами тоже, а особенно строго запрещено ставить свечи перед иконой в обновленческом храме и тем давать хоть небольшой доход обновленцам. И вот днем в небогослужебное время они потихоньку по оди-ночке в храм, приложатся к иконе, но свечей не ставят, а бегом обратно, как будто какая то страшная демоническая сила гонит их от чудотворной иконы. Воистине железные мозги у староцерковников Нижнего Новгорода.

Возникают иногда вопросы о таинствах и обрядах, совершаемых обновленцами. Можно ли в случае нужды принимать их? Главари староцерковничества разрешают принимать только таинство крещения, а брака и погребения никак не разрешается принимать. Может быть всякого рода подхода к объяснению этого отношения к остальным таинствам, кроме крещения.

Крещение ведь может совершать по нужде и мирянин, лишь бы только форма таинства была соблюдена. Но ведь и миряне-обновленцы тоже еретики-безблагодатные. Логичнее для староцерковников принимать обновленцев совсем как еретиков не крещенных, потому что если обновленцы неизвестно какой механикой могут обнажать благодати чудотворную икону,

то почему староцерковники, признав за ними такие магические способности, не могут признать и крещение их недействительным.

Скорее допустим другой подход—экономический. За крещение священник получит гроши: пусть обновленцы пользуются ими, а вот за брак, а особенно за погребение с разными поминаниями поступает несравненно больше. Так пусть это большее лучше идет к староцерковникам, а догматически это обосновывается тем, что-де обновленцы не поют „со святыми упокой“ и погребенные обновленцами идут прямо в ад.

„Суть и ина многа“, что творится железными людьми староцерковников в Нижнем для защиты православия, но нет необходимости и возможности, а главное—смысла раскрывать это перед читателями, ибо железо упрямыства растопляется и размягчается скорее жаром обновленческой любви, и мы видим, что маленькая свечечка обновленчества в Нижнем начинает понемногу нагревать это железо, чтобы растопить его. Миряне начинают слушать обновленческие проповеди, беседы и даже больше—начинают понемногу, по оди-ночке принимать в обновленческих храмах св. причастие. Это знаменательно и поучительно для староцерковников.

О священстве.

(Догматическое исследование против сектантов. В порядке самозащиты)

Вопросу о священстве у сектантов отводится много места и внимания. Оно ненужно им, ибо, стоя на основе учения о спасении человека верой во Христа Иисуса, сектанты отрицают всякое посредничество между Богом и человеком в деле спасения, и отрицают священство, обряды, внешнее богочтение, почитание святых, как посредствующие звенья между Богом и человеком. Затем, сектанты говорят, что исторически обосновать священство в том виде, в каком оно существует в Православии, нельзя, и потому нет оснований его признавать и держаться. Затем вопрос о священстве ставится на практическую почву, потому что Писание все таки о священстве учит ясно и определенно, почему сектанты должны допустить у себя иерархию: пресвитеров и диаконов, но не с тем авторитетом, какой имеет иерархия у православных. Отсюда неодинаковый взгляд у них и у нас на апостольское преемство, на значение рукоположения, которое сектанты употребляют, на связь действительности таинств и воздействия иерархии с ее нравственным достоинством и состоянием. Последний вопрос имеет самое жизненное значение в их пропаганде и борьбе против православия, почему многие секты, особенно баптисты начинают с вопроса о недостойных пастырях церкви.

Главным мотивом своего отпадения от православия сектанты всех направлений выставляют недостойное будто бы поведение наших пастырей церкви, которые, будучи обязанными по своему положению высоко держать знамя высочайшей морали в своей частной жизни и в своем церковном служении, на самом деле часто представляют из себя угар и злобоние, являются часто подверженными тем же слабостям и порокам, каким предаются и их пасомые, и потому не могут быть руководителями по пути добра. Указывая на таких пастырей, сектанты приходят к ложным выводам о возможности обходиться и без священства, отрицают наше православное священство и вместо

него создают свое священство, причем в мотивах этого отрицания они унижают благодать Божию, защитниками коей они выставляют себя, так как ставят ответственность ее в зависимость от нравственного состояния нашего духовенства. Плохой священник, значит, чрез него не может действовать и благодать Божия—вот всегдашняя логика сектантов, с которою они и без всякого стыда приступают к простым верующим и смущают их. Являясь с пропагандой своего учения в село или деревню, сектантские агитаторы прежде всего нащупывают элементы, чем нибудь недовольные местным священником. Такие элементы всегда найдутся, и вот к ним то прежде всего и подходит иезуитствующий сектант, как ни странно пользующийся всякими средствами в деле пропаганды. С ними то они и начинают говорить о недостатках нашего духовенства и находя отклик в слушателе, пускают далее в ход упомянутую выше логику: „ваши священники с недостатками, как же он может давать вам благодать, отпущать грехи, совершать вам требы“. Идя далее, он начинает проводить мысль о том, что священства, особых посредников вообще не нужно, что спасение совершенно для нас на Голгофе, а нам нужно только веровать. Так, начав с критики местного священника, сектанты постепенно переходят к прямой пропаганде своего учения.

На эти приемы сектантов прежняя миссия обращала мало внимания, а между тем с него начинают многие сектанты, тем более, что этот прием наглядный, доступный всем.

Можно ли из Библии вывести доказательство того, что благодать зависит от совершителя таинств, что недостойная жизнь некоторых пастырей не мешает им быть надлежащими руководителями духовной жизни своих пасомых и что из-за недостатков отдельных лиц нельзя отвергать один из важных принципов христианства—самую сущность священства, как благодатного служения.

Мы признаем, что ап. Павлом начертан идеал пастыря (1 Тимоф. 111—3, 13, Тит. 1, 7—9), что этот идеал является весьма высоким. Мы ни на минуту не забываем грозных речей пророка Иеремии, обращенных им к недостойным пастырям Израиля, не забываем и грозных речей Самого Христа, обращенных к его современным пастырям, которых он упрекает за то, что они злоупотребляли своим положением, пользовались им для славы, личных выгод, чести и т.д. (Ев. Матф. 23 глава). Все это признается нами и на основе этого делается постоянный призыв к обновленческому духовенству—держать себя высоко, не ронять авторитета пастыря, стремиться к исжитию тех недостатков духовенства, которые сделали его посмешищем в литературе и жизни. Мы не скрываем этих недостатков, бичуем их, но не считаем из-за них священство, это благодатное служение, ненужным, излишним, и не ставим действенность, силу благодати в зависимость от нравственного достоинства пастыря. Конечно, мы не отрицаем, что высоко-нравственный пастырь может больше привлечь к себе последователей, может зажечь большее количество людей, но мы боимся, очень боимся унижать благодать Божию, действующую и в недостойных пастырях. Чтобы не быть голословными, обратимся к учению Св. Писания и примерам из него.

Ап. Павел, выясняя характер проповеди христианства, говорит: „немоющее мир избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего незначущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее, для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом“. (1 Кор. 1. 27—29). Это общая, основная тема апостола Павла, уясняющая вопрос об отношении благодати к естественным силам человека, в частности намечающая решение вопроса о „недостойных пастырях“. Частнее характеризуя свое собственное служение и его отношение к благодати, он говорит: „сокроуище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы неизбывная сила была приписываема Богу, а не нам“. (11 Кор. 1 У. 7). И в каких бы печальных внешних обстоятельствах для своего служения пастырь не находился—его дело, носителя благодати не будет напрасным (ст. 8—10). Как, по его словам, „жизнь Иисуса открывается в смертной плоти нашей“, так и благодать Божия ярче может блистать у пастырей, которые не могут блестящей проповедью, привлекательной наружностью, высокой нравственностью привлекать к себе людей.

Обратимся теперь к примерам из Св. Писания. Низки были в нравственном отношении книжники и фарисеи, которых и Иоанн Креститель называл „порождением ехидны“ (Мф. 111, 7); и Христос постоянно обвинял в всевозможных преступлениях и пороках: лицемерии, моральной изворотливости, жестокости по отношению к бедным, в развращении простого народа, гордости, в преследовании пророков и праведников и т.д. и называл их „змеями, порождениями ехидны“ (Мф. XXIII, 33 ст.). Но к проповеди их Христос относился иначе: „все, что они велют вам соблюдать, соблюдайте и делайте“; по делам же их не поступайте: ибо они говорят и не делают“ (Мф. 23 гл. 3 ст.). Несмотря на глубоко безнравственную жизнь их, их учение, очевидно, было истинным и потому обязательным для слушателей.

Возьмем, дальше другой пример. Иуда, удостоенный великих дарований наравне с прочими апостолами (Мф. X, 1, 7) был вор (Иоанна XII, —6). Спаситель, зная настроение своих апостолов, неоднократно предсказывал его предательство. Тем не менее от великого апостольского служения Спаситель его не от-

странил, предоставив ему самому отойти и совершить дела предательства, не отвергнув его от участия в Божественной трапезе вечери Господней (Лук. XXII, 26—22). Велики были и остальные апостолы, но и они были людьми с некоторыми слабостями... Достаточно указать на ап. Петра, которого ап. Павел обличил в лицемерии пред Галатийскими христианами (Гал. II, 11), тем не менее мы не умаляем величайших апостольских заслуг первоверховного из апостолов.

Канафа—глава духовного правительства еврейского народа, гонитель Христа во время Его жизни, и вдохновитель евреев на убийство Христа, не был лишен, по свидетельству евангелиста Иоанна (XI, 50—51) дара пророчества в силу своего первосвященнического служения, и его слова: „лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб“, толкуются евангелистом, как предсказание—пророчество, которое Канафа изрек „не от себя, но будучи на тот год первосвященником“.

Ап. Павел отнесся с уважением к первосвященнику Анании, хотя уже произошел полный разрыв между иудейством и христианством. Обвинив его в несправедливости и назвав его „стенной подбеленной“, апостол Павел потом извинился, указав на то, что он не знал, что Анания—первосвященник (Деян. XXII, 5), и этим дал нам яркий пример уважения к служителям даже других религий.

Наконец, сам ап. Павел, слова коего и принципиальный взгляд мы приводим выше, свидетельствует о себе, что у него был какой то крупный недостаток, который он называет „пакостником плоти, ангелом сатаны“, который постоянно ему „пакости делал“ (11 Кор. XII. 7). Сознывая, что этот недостаток может препятствовать великому апостольскому служению и делу, ап. Павел „трижды молил Господа о том, чтобы он удалил этот недостаток“, но получал всегда ответ: „довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи“ (ст. 9). Поэтому великий апостол, удостоенный необычайных открытий в конце концов говорит; „я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами“, „ибо когда я немощен, тогда силен“ (ст. 9—10).

Вот истинный ответ на постоянные нападки на наше духовенство, его недостатки, немощи. А жестоким и беспринципным судьям недостатков нашего духовенства можно ответить словами того же ап. Павла: „Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе, ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь: судия же мне Господь“ (1 Кор. IV 3—4). А если посмотреть на сектантское „священство“, их духовных руководителей, то можно с несомненностью установить, что духовный уровень их также не высок. Процент ухода баптистских пресвитеров, чемнибудь недовольных дисциплиной, в секту пятидесятников не мал, а еще чаще они переходят к евангельским христианам, что бывает часто тогда, когда центральное управление хочет подтянуть не высоконравственных пресвитеров: у евангельских христиан находится радужный приют для них. Правда сектанты говорят, что они отсекают от себя недостойных пресвитеров, но удается ли им ликвидировать тот соблазн, то разложение в общинах, руководимых подобными „пресвитерами“, они не пишут.

В дальнейшем мы коснемся самой сущности вопроса о священстве, главным образом с практической стороны, в целях самозащиты, поскольку баптисты в своем журнале посвятили не мало статей опровержению православного учения о рукоположении, апостольском преемстве и других сторон этого учения.

Что такое трезвенники?

В истории христианства всех времен обнаружались довольно странные, аскетического характера религиозные движения, которые, исходя из высоких побуждений борьбы с зеленым змием, служение коему причиняло всегда весьма много зла человечеству, в конце концов впадали в еретические—сектанские мудрствования, постепенно отклонялись от церкви, не разделявшей их крайне болезненных мечтаний, навеянных ложным взглядом на причины происхождения зла в мире, и образовывали свои общества, жившие отдельно от церкви жизнью. Указания на такие движения мы встречаем еще во времена апостольские. Ап. Павел в послании к Тимофею пишет о представителях этого движения, что они „запрещают вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением“ (1 Тим. IV гл. ст. 3). Тот же апостол в послании к Колоссянам пишет христианам: „Ничто да не осуждает вас за пищу, или питие“ (2 гл. ст. 16), или в другом месте того же послания он вооружается против запрещений, исходящих из ненормальных религиозных побуждений: „не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся“. (гл. 2-я, ст. 21). Вопрос о разных родах пищи, и возможности их употребления для христиан ставится апостолом Павлом в 1 послании к Коринфянам (гл. VIII) и послании к римлянам (гл. XIV). Из указанных мест ясно, что уже во времена апостолов были люди или даже организованные группы их, которые радикально ставили вопрос о трезвости и разрешали его ригористически, исходя из каких то принципиальных воззрений религиозно-философского характера. Необходимо отметить общее для всех этих движений явление—отрицание употребления вина, мяса и брачной жизни—трогательное соединение этих запрещений выступает во всех движениях подобного рода, во все времена. Исходили же эти люди из следующих соображений. Древний религиозно-философский дуализм (особенно в древней персидской религии, а отсюда в разнообразных гностических системах, в манихействе) смотрел на плоть человека, как на местопребывание злого начала, отсюда все, что доставляет удовольствие плоти, разценивалось как служение этому злему началу. Под этот взгляд они подводили и брак, а также запрещали употребление некоторых яств, в особенности мяса и вина. Поэтому ап. Павел, видя, что такие воззрения, навеянные языческим дуализмом, разделяют христиан, внушают им неправильные с объективной христианской точки зрения воззрения на потребности нашего организма и удовлетворения им и тем отвлекают внимание от вопросов более высокого порядка, в послании к римлянам (глава XIV ст. 14) и пишет: „ничто не скверно само собою“. Каждый предмет мира физического чист сам по себе по самому происхождению своему от Бога. С явлением Христа в мир восстановлена и прежняя чистота и правильность отношений вещей и деятельности человека, которая была нарушена грехом. Во Христе все нашло свое очищение. Христианин, доверяющий Христу, убежден в последнем, так что свободно может употреблять все как чистое, не опасаясь осквернения. Только слабый в вере во Христа помышляет иначе и считает некоторые предметы скверными, и они действительно для него скверны, но не сами по себе, а в силу осквернения их мыслию человека.

Но эти разъяснения ап. Павла, убедительные для людей с здоровой логикой, оказываются неубедительными для многих христиан, которые, по ап. Петру, соблазняются и не понимая высоких истин христиан-

ства, проповеданного ап. Павлом, „к собственной своей гибели превращают, как и прочия Писания“. (2 Петра 3 гл. 16 ст.). В древности мы видим секту или ересь энкратитов, проповедывавшую абсолютное воздержание от мяса и вина из побуждений дуалистического характера. Об этом трезвенническом движении древности свидетельствует св. Василий Великий, указывая на то, что это движение, начав, может быть, с невинных аскетических требований, дошло до того что ввело у себя какое то новое крещение, очевидно, отличное от общехристианского, почему св. Василий в 1-м правиле заповедует не принимать их крещения. Под энкратитами разумеются еретики-гностики, вышедшие из гностической школы Татиана 2 го века. Последний проповедывал строжайший аскетизм для того, чтобы душа человека могла освободиться от материи и приблизиться к Богу. Каждый настоящий христианин, по требованию этих еретиков, обязан строго воздерживаться от всего земного, особенно же от брака, мяса и вина, как предметов злых и нечистых, которые только отчуждают человека от Бога и привязывают к материи. Вследствие этого воздержания от всего они назывались энкратитами, а вследствие того, что они употребляли в св. Причастии, вместо вина, воду, назывались идро парастами. В 47 правиле св. Василий Великий повторяет свое постановление о прекращении энкратитов и выясняет мотивы этого. Ересь энкратитов является отраслью ереси маркионитов, гнушающихся браком, отвращающихся вина и создание Божие скверным нарицающих. Посему, говорит св. Василий, „мы не приемлем их в церковь, аще не крестятся нашим крещением. Ибо да не глаголют, яко крестились во Отца и Сына и Святаго Духа, когда они подобно Маркиону и прочим еретикам, представляют Бога творцем зла“. В 86 своем правиле св. Василий указывает на практические стороны вопросов. „По достоинству для нас и зелие травное есть то же, что мясо, а в рассуждении пользы, к зелию отделяем вредное от здорового, так и в мясе различаем вредное от полезного“. Следовательно св. Василий указывает, чем должен руководиться христианин в различении родов пищи: полезностью или вредом их для человека, а не принципиальными, ложно-монашескими взглядами, считающими один род пищи и вина греховных само по себе, а другой—святым и безгрешным сам по себе.

Св. Василий Великий в своих правилах не вносил нового в церковь: он следует в этом отношении 51 апостольскому правилу, которое заповедует извергать из сана клириков и отлучать от общения церковного мирян, которые гнушаются употреблением мяса и считают его нечистым—ясно повторяют взгляды древних еретиков и соблазняют этим слабых в вере.

Из приведенных свидетельств ясно, что Вселенская церковь всегда осуждала трезвеннические направления, исходящие из каких то принципиальных, нехристианских взглядов на вино, а вместе с этим и роды пищи; гнушавшихся употреблением их, как нечистых самих по себе, независимо от их пользы или вреда для христиан.

Неправильный уклон в взглядах на аскетизм, к сожалению, нашел яркое выражение в монашестве. Мы не хотели указывать на это, но монашество своей идеологией так давило на всю жизнь христиан, что его вредное в этом направлении влияние нуждается в длительной и серьезной обработке и переработке. Монашество объявило брак чем то греховным, состоянием и уклонилось от участия в

таинств брака и крещения, чтобы не оскверниться, а крайние представители монашества не считают даже брак за таинство. Проповедуя воздержание и воздерживаясь от мяса, как чего то нечистого самого по себе, они обедают менее грешным с их точки зрения блюдом-рыбой. Это не христианский, не апостольский взгляд на пищу, а языческий, дуалистический, и историческое монашество более всего виновно в том, что привило нам эти ложные аскетические воззрения, которые сильны особенно тем, что насадители, вдохновители их выдают себя за людей, посвященных на особенное служение Богу, стоящих выше остальных смертных, как нисших себя. Эти ложно аскетические воззрения, безусловно под влиянием монашества, породили у нас своеобразные сектанские движения, которые большинством исследователей возводятся к одному источнику хлыстовству, в котором указанные дуалистические воззрения обнаруживаются наиболее ярко и последовательно.

В заповедях хлыстов мы читаем: „Хмельного не пейте и плотского греха не творите“, (5 заповедь) потому что вино есть кровь сатаны; „Не женитесь, а кто женат, живи с женой, как с сестрою. Неженитые не женитесь, женитые разженитесь“ (6 запов.) „На свадьбы и крестины не ходите, на хмельных беседах не бывайте“ (8 заповедь). Вот „заповеди“, которые проходят красной полосой в учении и поведении хлыстов, и отразились на хлыстовствующих воззрениях многих религиозных людей нашего времени, увлеченных ложным аскетизмом, выдаваемым и почитаемым ими за подлинный аскетизм христианства.

В основе этих заповедей лежит дуалистическое воззрение на физическую и нравственную природу человека, по которому тело человека считается источником греха и зла и вся деятельность человека должна быть направлена на умерщвление плоти, истощение его, для того чтобы доставить победу духу. Отсюда воздержание от хмельного, мяса и брачной жизни, которая потворствует телу человека, а безбрачие, напротив, помогает человеку в борьбе против плоти: как напоминают хлысты древних апостольских еретиков и энкратитов. Воздержание от мясной пищи, кроме указанных соображений, диктуется еще учением о перевоплощении душ часто в животных, особенно в свиней, в которых воплощаются, по учению хлыстов, главным образом вступающие в брачное состояние. Поэтому хлысты боятся, как бы не с'есть когонибудь из родственников.

Детищами хлыстов в отмеченном выше отношении являются различные религиозные течения в нашей церкви, именующие себя „трезвенниками“ с различными оттенками и прибавками; „братцы—трезвенники Чуриковцы“ „братья трезвенники Ивана Колоскова“, евангельские христиане—трезвенники“ (з Москве), „православные постники“ (в Пензенском Округе) и разнообразные трезвенники в разных местах СССР, с одинаковой идеологической настроенностью. Общее у всех этих трезвенников то, что они отказываются совершенно от употребления вина даже в таинстве причащения, заменяя вино фруктовыми соками, не говоря уже о том, что не употребляют спиртных напитков в своей обычной жизни. Многие из них отказываются от употребления мяса и рыбы и становятся убежденными вегетарианцами. Но все эти самоограничения, весь этот аскетизм исходит из древних дуалистических представлений, воззрений, о которых мы говорили выше, ибо отвергать вино в св. Причащении, думать, что даже и тут, где по верованию Православной Церкви, оно невидимо претворяется в животворящую Кровь Христа Спасителя, оно может быть вредным и даже опасным для спасения—значит, не верить

в силу Божию, считать—что вино не подлежит действию св. Духа, одним словом, оно находится под влиянием кого-то другого, а не Бога; отсюда дуализм чисто языческого характера.

Опасность от этих трезвеннических движений заключается в том, что они трезвенники большею частью не порывают наружной связи с Православной Церковью, даже выдают себя за ревностных чад ее, и пользуясь доверием простодушных людей, незаметно пускают яд сомнения и отвлекают их от церкви. В трезвеннических движениях отводится весьма важная роль руководителям движений, в чем безусловно сказывается влияние хлыстовства. Колосков, Чуриков, Григорьев и другие вожди трезвенников, не просто вожди, учителя своих последователей: „они для них нечто в роде Бога—Христа. Их „иконы“ стоят и висят на ряду с иконами христианскими, занимая более видное место. Им целуют руки, выходы их обставляются торжественно, пред ними становятся на колени, падают в землю пред ними, одни их „проповеди“ слушают с напряженным вниманием. У Чурикова установлен даже громкоговоритель для того, чтобы его голос слышен был на улице. Одним словом эти вожди имеют непререкаемый авторитет в глазах своих последователей. Ясно, что при таком взгляде на них авторитет церкви не только умаляется, но и совсем унижается. Трезвенники разывают единство церкви и гордятся своей наружной святостью, трезвостью и соблазняя этими наружными „добродетелями“ набожных доверчивых людей, эксплуатируют их религиозное чувство, карманы и труд, потому что никто так не умеет расположить верующих к пожертвованиям, как трезвенники и их кликуши, отдать свои средства „братцу“, который является полновластным распорядителем не только кошельком своих последователей, но и их трудом, ибо в своих совхозах „братцы“ ведут себя не лучше помещиков старого времени, бесовственно эксплуатируя доверчивых людей, которые работают, как волы на своеобразной барщине „святого братца“. Мы не будем останавливаться на последнем, потому что деятельность трезвенников с этой стороны достаточно освещена в Советской прессе: нам нужно предостеречь православных от увлечения религиозной сущностью трезвенничества. Мы напомним читателям о том, что трезвенники Колосковского типа в 1910 году были отлучены от церкви и в акте их отлучения учение их изложено следующим образом: „Они уклонились в пагубную ересь, нечестивую и богохульную подобную хлыстовской, и распространяют ее среди простодушных людей, отторгая их от Православной церкви, прикрываясь и обманывая их своим видимым благочестием, они на самом деле содержат и проповедуют самое нечестивое учение, а именно: неправо мудрствуют о лице Христа Спасителя и Его Пречистой Матери, называя себя и других смертных и простых людей сими достопоклоняемыми именами (разумеется вышеуказанное возвеличение ими вождей); извращают Св. Таинства церкви и одни из сих таинств принимают лицемерно, не право перетолковывая их смысл, как напр, причащение и елеосвящение, а другие таинства, как брак, совсем отвергают; из'ясняют Святое Писание, особенно Святое Евангелие, самочинно иносказательно, превратно по своему мудрованию и для оправдания своего лжеучения, дерзают хулить священно-началие и сами принимают на себя право и власть совершать священнические действия, именно: учить, благословлять, раздавать елей и т.п.; устраивают самочинные сборища для прельщения православных. В 1913 году было установлено, что вожди Московских трезвенников, между прочим, учили о перевоплощении душ, неядении мяса и, особенно свинины, говорили, что Православная церковь

ертва и делает людей пьяницами с их детства чрез в. Таинство Причащения. В настоящее время Колосовцы, как община, распались и перешли все в секту пятидесятников, но в последнее время очевидно, не поладили с последними и организуют общины евангельских христиан трезвенников; следовательно, и те остатки православия, какие у них были, они растеряли и перешли открыто в прямое сектантство так наз. рационалистического направления, смешав в своем учении элементы последнего с хлыстовством.

Но жаль тех трезвенников, которые еще не порывают связи с православием, ходят в церковь, являются ревностными православными и в то же время, как зараженные неправильными воззрениями на вино, все таки сторонятся православных, не могут органически с ними слиться во едино стадо Христово. В Костроме трезвенники сочувственно относятся к обновленцам, но просят епископа разрешить им не употреблять в причащении вина. В Пензенском округе православные постники в количестве до 60 семейств продолжают трезвенничество, воздержание от мяса и брачной жизни. К церкви эти трезвенники весьма прилежны.

В настоящее время, когда под влиянием монашества в наши села и деревни проникают начала этого нездорового уклона христианской аскетики, пастырям церкви, особенно обновленцам необходимо иметь самое тщательное наблюдение над своим приходом в указанном направлении. Меры должны применяться раз'яснительного характера:

а) Необходимо раз'яснить, что и вино, и все рода пищи, в частности мясо, являются творением Божиим, и как таковые, они не могут быть нечистыми сами по себе, а являются таковыми для человека или вследствие злоупотребления ими, или вследствие того, что неразвитые люди, обращающие внимание более на внешность, чем на дух, составили о них неправильное представление, свалили на них вину, в том, в чем более всего виновна свободная воля человека.

б) Св. Писание безусловно осуждает пьянство, как один из тяжких грехов, препятствующих человеку войти в Царство Божие (Прор. Осии IV, 18, Лук XXI,

34, I Кор. V, 11, VI, 10, Римл. XIII, 13, Ефес. V, 18). Но умеренное, нормальное употребление вина Св. Писанием не только разрешается, но иногда и одобряется (Псал. 103 ст. 14—15, Еклез. X, ст. 19 Притч. XXXI, 6, I Тимофея V, 23). Сам Христос употреблял вино (Лук. VII, 34) и благословил вино в Кане Галилейской. На тайной вечери Христос благословил вино, претворив его в Свою Божественную Кровь. Следовательно христианство не имеет никаких оснований в св. Писании к отрицанию употребления вина.

в) В св. Писании отмечается, что добровольный обет совершенного воздержания угоден Богу (Иерем. гл. 35). Но такие обеты должны быть соединены со смирением и любовью к Богу, а не с высокомерием и гордостью, как у сектантов, гнушающихся вина не только по тщеславию, но и по ложному верованию, будто бы оно есть кровь сатаны, забывая что, сатана есть дух, и крови иметь не может.

г) Относительно мяса в святом Писании имеются прямые наставления и разрешения, так что вопрос о ядении его для непредубежденного читателя св. Писания вопрос этот ясен и никаких сомнений не вызывает (Деяние XV, 29, Римлян. XIV гл. I Кор. X гл.). Слово Божие смотрит на пищу и питье как на средство, содействующее нравственному усовершенствованию, но не считает их чем то самодовлеющим.

д) Необходимо, конечно, относиться осторожно и тщательно к немощной совести верующих, обращаться с ними как с больными, но ведь и болезненное состояние не дает больным права делать все, что они хотят. Их лечат, раз'ясняют необходимость известных ограничений, и больные слушающие этих советов, могут рассчитывать на поправление. Если пьянство—грех, то не менее грех и осуждение творений Божиих.

е) Особенно необходимо раз'яснять, что трезвеннические воззрения на спасение, взгляды на своих вождей как на стоящих неизмеримо выше остальных людей—эти воззрения—не христианские, а хлыстовские, которые необходимо отбросить христианам, для которых их вожди религиозные, иерархия есть только старшие братья, а не боги, христы, каковыми считают трезвенники своих вождей.

Сектанские гимны.

(В порядке самозащиты).

Всем известно, что пение гимнов занимает видное место в богослужении всех религий, не только христианских, но и языческих. Особенное значение они имеют в христианстве, которое во всех его формах отводит им видную роль в культе, считая их могучим орудием для возбуждения и поддержания религиозных настроений. Эту роль прекрасно учитывал ап. Павел в своем послании к Ефессянам, убеждая христиан „назидать самих себя псалмами и славославиями и песнями духовными, поя и воспевая в сердцах своих Господу“ (V гл. 19 ст.). На практику первых христиан употреблять при богослужении пение указывает ап. Павел в послании к Коринфянам (I Кор. XIV гл. 26 ст.) и известный всем правитель Вифинии Плиний Младший в письме к императору Траяну, сообщая ему что христиане на своих собраниях „поют гимны Христу, как Богу“. Что же пели первые христиане? Псалмы—очевидно, псалмы пророка Давида, которые так любит петь и читать в своих богослужениях православная церковь. Славословия—молитвы характера прославления,

среди коих, безусловно первое и самое важное место занимает то славословие Отцу Небесному, которое продиктовал и оставил на все времена Его Божественный Сын: „Отче Наш“. К ним относятся те песнопения, которые сохранил для нас Ветхий Завет: Песнь Мариамны, вдохновенная обличительная песнь Моисея, Песнь матери Самуила пророка, песнь Аввакума, Песнь Исаии, Молитва Ионы пророка, песнь св. Захарии, отца Предтечи, песнь Богоматери. Этими славословиями православная церковь весьма обильно пользуется почти за каждым богослужением, употребляя их или целиком (в Великом посту) или беря из них темы для канонов церковных.

Гимны—это (песни духовные)—творчество вдохновения религиозных людей, в которых они выражали свое возвышенное настроение, излагали историю и уроки праздников, из'ясняли величайшие догматические тайны нашего спасения. Православная церковь, как единственная хранительница первохристианского наследия, собирала это богатое сокровище песнопений,

вносила некоторые из них в постоянный богослужебный обиход, другие оставляла, переделывала на лучшее. Заботилась она и о внешней форме этих песнопений и пользуясь музыкальным опытом и данными музыкальной науки в расцвет внешних церковных форм вложила их в прекрасные мелодии, из коих каждая выражает определенное настроение. Бессмертны для христиан имена творцов христианских гимнов, и не менее дорого для них имя Иоанна Дамаскина, выработавшего 8 гласов или напевов, в которых уложено все богатство христианских песнопений. Русская церковь, принявшая от греков вместе с христианством и богатство песнопений с их мелодиями, не препятствовала вдохновенным музыкальным людям вносить некоторые изменения в эти мелодии, с целью придания им большей красоты и величия, лишь бы только сохранилась подлинная красота песнопений, не был искажен их смысл, и не было бы попыток принижения этих песнопений до мотивов светских песен, попыток использования оперных или плясовых мелодий для духовных песнопений. Церковь никогда не соглашалась подменить величественные, более приличествующие содержанию песнопений мелодии, на более игривые эстетическому чувству художественные произведения многих композиторов, которые пытались подходить к церковным песнопениям с своими мелодиями, и на протяжении истории много хламу предлагалось церкви под видом художественных мелодий, которые она отвергла и будет отвергать, как не соответствующее величии христианства.

К творчеству гимнов или духовных песнопений всякого рода церковь относится с величайшей осмотрительностью. Церковная власть внимательно следила за тем, чтобы в церковное употребление не вносились песнопения, не соответствующие христианству по своему содержанию, искажающие чистое православное учение, отступающее от церковных традиций. Особенно много развелось в последнее время так называемых акафистов, которые в большинстве представляют набор фраз по трафаретам; между тем этим акафистам отводилось важное место в богослужении какого либо праздника. Церковь, может быть, нигде так не была консервативна, как в сохранении своих старых гимнов, оставшихся от золотой поры христианства и очень осторожно относилась к новому, тем более что и по правде сказать, это вовсе ни в какой мере не могло сравниться с старым ни по содержанию, ни по форме ни по мелодии. В некоторых случаях, в целях привлечения к пению молодых сил и противодействия сектантам, которые широко ставят певческое дело на своих молитвенных собраниях, церковь допускала пение новых религиозных напевов, но не в богослужебное время, а в вечернее время во время внебогослужебных собраний. Последнее обстоятельство, а равно и все вышеизложенное о положении пения в церкви свидетельствует о том, что церковь признавая важное значение за песнопениями, старалась держаться тех из них, которые освящены и по содержанию, и по форме авторитетом христианской древности. На этом же основании православная церковь не ввела на богослужебных собраниях музыкальных инструментов, какие допущены и католичеством и протестанством и многообразным сектанством, ибо Новый Завет и первохристианство совершенно не знали музыкальных инструментов в богослужении, хотя в еврейской церкви ими широко пользовались, особенно при употреблении псалмов.

Сектанты, прекрасно учитывая могучее значение пения при богослужении, широко пользуются им и для поднятия настроения верующих и для целей пропаганды своего учения. Разъезжая по селам, они берут

с собою хор, который поет их гимны. Пение своих гимнов они противопоставляют пению православных в двух плоскостях. С одной стороны—чисто внешней—сектанское пение часть лучше, красивее пения православных гнусавых дьячков. Это, конечно, понятно, и в этом слабая сторона нашего культа. Затем у них большое внимание уделяется общему пению, при котором все верующие участвуют в богослужении. С другой стороны сектанты говорят, что их гимны чище, лучше, возвышеннее православных песнопений.

Вопрос о содержании сектанских гимнов, их происхождения, мелодиях должен быть хорошо освещен православными для того, чтобы они могли защитить наши песнопения.

Что поют прежде всего сектанты?

Поют ли они самый совершенный гимн Отцу Небесному, продиктованный нам Спасителем? Поют, но не часто. В нашем богослужении Отче Наш читается и поется чаще других гимнов, а у них не каждый раз, не за каждым богослужением и не всеми верующими. Очевидно, они не ценят его, не знают петь его все.

Поют ли они псалмы Давида? Нет. Псалмов Давида, в том виде, как они содержатся в библии и как поют их православные, мы у них не слышим. Поют они только переложения псалмов или гимны на темы, заимствованные из псалмов. Почему они так делают? Говорят, что псалмы не понятны для простых верующих в том виде, как они содержатся в библии. Правда ли это? Разве не понятны псалмы: „Коль возлюбленна селения Твоя, Господи“, „Благослови, Душа моя, Господа“, „благословлю Господа“, „Блажен муж“ и др.—те псалмы, которые поются наиболее часто в православной церкви. Нет, тут оказывается другое—желание отвлечь своих последователей от того, что они привыкли петь и слушать в православной церкви, отвлечь, от всего, что напоминает о православии. Иным ничем нельзя объяснить подлинных псалмов Давида, чудной поэзии восторга, от неудачных, часто бессмысленных переложений их сектанскими псалмотворцами. Поют ли сектанты перечисленные выше перлы библейской поэзии, начиная с песни Мариамны на берегах Черного моря, и кончая песнью Богоматери и песнью Захарии, Отца Предтечи? Нет они не поют и совершенно не употребляют в их богослужебных собраниях, несмотря на то, что сектанты гордятся и хвалятся тем, что они живут и действуют только по библейски и по евангельски. Своим отношением к этим ценным перлам библейской поэзии они показали, как далеко от них библия и евангелие. Что же поют они? Первые штундисты и другие сектанты на первых порах своего отделения от церкви пели песнопения церковные. Но это продолжаться долго, конечно, не могло. Пение старых песнопений должно было вызывать у сектантов воспоминания о православии и невольно поднимало в глубине сердец вопрос о том, справедливо ли поступили они, отрекшись от веры отцов. Поэтому, не только от православных песнопений, но и от псалмов постарались отвлечь вожак сектантов бывший православный. На смену православным песнопениям выступают религиозные немецкие лютеранские гимны, переводимые на русский язык. Сектанты стали искать новых гимнов собственного произведения, и в этом отношении передовыми являются баптисты, творчеством коих пользуются и другие сектанты. Первоначальные гимны слагались на основании лютеранских гимнов, употребляемых на протестанских богослужениях. Но потом являются и собственно русские песнопения, составляемые вождями сектантов. Нет надобности излагать историю сектанского творчества гимнов. Начавшись в 60-х годах XIX века оно не прекратилось и до настоящего времени. В каждом номере

„Христианина“, „Баптиста“ печатаются все новые и новые гимны, постепенно получающие и богослужебное употребление.

Гимны эти в разных сборниках, под разными заглавиями издавались правдами и неправдами и распространялись среди сектантов.

Главными творцами гимнов являются: Воронов, Павлов и особенно И. Проханов, гимны коего исчисляются сотнями.

Мелодии сектанских песнопений большею частью заимствовались ими от православия (я слышал напевы 1 гласа, 6 гласа), или из немецких лютеранских музыкальных сборников, или вырабатываются современными композиторами. Приходилось довольно часто слышать мелодии народных песен, особенно украинских, и даже плясовых мотивов.

Покотся гимны, большею частью под аккомпанимент фисгармонии, или духового и чаще струнного оркестра молодежи.

Сектанские гимны, как показывает внимательный анализ их, служит усилению сектанских организаций в смысле привлечения в сектанство православных, в смысле дальнейшего уклонения от церкви самих сектантов и наконец в смысле усиления их фанатизма и стремления к пропаганде своего учения.

Многие из православных сошлись в сектанство именно благодаря посещению ими сектанских собраний с единственной целью послушать сектанское пение. Незаметно для самих себя, под влиянием искусной пропаганды сектантов, вместе с изучением напевов и содержания сектанских гимнов, они воспринимали в свои сердца сначала яд сомнения, потом критического отношения к православию и наконец, положительного отрицания сначала некоторых обрядов, а потом и дог-

матов веры. Попавшие в составы секты обрабатываются в дальнейшем направлении опять таки при помощи гимнов. Под влиянием их постепенно вытесняется бывшая любовь и привязанность к напевам церковным до полного забвения их и прививается привычка к новым религиозным взглядам и убеждениям.

Наконец сектанские гимны способны возбуждать и поддерживать фанатизм, подогревать сильное желание каждого сектанта к распространению своего лжеучения.

Касаясь содержания сектанских гимнов, мы должны сказать, что на основании внимательного анализа их можно установить:

а) как слабо развита доктрина (догматика) сектантов,

б) как бедно содержанием творчество сектантов,

в) как далеко оно от подлинного христианства, его настроений, какие мы вправе ожидать от людей, которые почему то особенно претендуют на звание „христиан евангельских“,

г) как много еретических заблуждений можно вскрыть даже не вооруженным взглядом в сектанских гимнах,

д) как много противоречий можно установить в гимнах сектантов,

е) как много можно извлечь из сектанских гимнов элементов чистого православия, идущего в разрез с их догматикой, и очевидно являющихся неизгладимой печатью в них православия.

В виду важного значения сектанских гимнов для полемики с ними и для изучения подлинного сектанства, которое выступает из гимнов более ярко, чем из их журналов в следующих номерах мы подвергнем их детальному разбору со стороны их содержания.

Почитание святых.

(Догматический этюд против сектантов в порядке самозащиты).

Вопрос о почитании святых и молитвенном призывании их является весьма важным в полемике с сектантами, потому что они категорически вооружаются против почитания святых и молитвы к ним. Это находится в связи с их учением о спасении. Человек спасается верой во Христа. Чрез нее он получает доступ к благодати, которая дана нам Христом, и никаких посредников и посредствующих звеньев не должно быть между человеком и Христом. Отсюда, не нужны и святые, как посредники, молитвенники за нас перед Богом. Что же касается почитания их, то не отвергая его в принципе, потому что слово Божие ясно говорит об этом, сектанты лишают его всякого содержания и смысла, превращают во что то платоническое. Это учение их находится в связи опять таки с учением о спасении, поскольку всякий уверовавший во Христа, возродивший и принявший крещение уже спасен, становится святым. Отсюда нет надобности признавать каких то специальных святых, почитать их и молиться им. Почитание святых имеет весьма твердые основания в св. писании; в этом вопросе мы сильные, а они слабы.

Сложный вопрос о почитании святых можно расчленить на ряд отдельных вопросов:

1) о почитании св. ангелов Божиих

2) о почитании Богоматери

3) о почитании угодников

Остановимся сначала на

Ниводно из христиан

сится с таким неуважением

чих.

просе.

не отно

Иисуса

Христа, какое мы замечаем у разного рода сектантов, которые не только не оказывают никакого почтения Божией Матери, но и дерзко ругаются над нею и православными, чтущими ее, и в своих ругательствах не стесняются в выражениях и доводах. Доводы эти, рассчитанные на простой верующий народ, поражают всякого беспристрастного человека ничем иным, как нахальством, если не сказать больше.

Защищая почитание Богоматери, мы не будем отдельно излагать положительного учения Православной церкви. Мы не будем, вместе с тем защищать и оправдывать те ненормальности, какие замечаются, напр. у католиков в виде учения о непорочном зачатии Богоматери, в их иконографии, рисующей коронование Богоматери св. Троицей, равно и уклонения от нормы, указываемой словом Божиим, в вопросе о почитании Ея. Мы приведем только те возражения, которые производят сектанты против возможности и необходимости почитания Богоматери, и подвергнем их разбору с точки зрения беспристрастного понимания Слова Божия, оставляя в стороне все то, что выработало в защиту почитания Ея Св. Предание, хотя оно имеет несомненную объективную почву в истории, археологии и т. д. (напр. ветхозаветные прообразы, признаваемые за таковые на основании Св. Предания).

Сектанты против почитания Богоматери и молитвенного обращения к Ней выдвигают следующие положения:

а) Мы не можем, говорить о почитании Ея, потому что она была обыкновенно

венной женщиной, имела от своего мужа Иосифа других детей (т. н. братьев Иисуса Христа. Мф. 8:11, 48—50. XIII, 55); сам Христос называл ее не девой, как называют ее православные, а женой (Иоан. 11:4; XIX—26), равно и Ап. Павел называет ее женой (Гал. IV, 4); поэтому, говорят сектанты, и Христос называется в евангелии первенцем (Мф. I, 25), поскольку у Марии были другие дети.

б) В слове Божиим, говорят они, нет повелений почитать Божию Матерь.

в) Из Слова Божия не видно, чтобы Матерь Иисуса Христа, веровавшая в Него как Бога, отсюда несомненно, что она была и осталась неверующей еврейской женщиной.

г) Христиане, почитающие Марию, называющее ее „Царицей Небесной“, погрешают против Слова Божия, ибо в нем есть прямое запрещение почитать „богиню неба“ (Иер. 4 гл. 17 ст.) а обращающиеся к ней с молитвою, называя ее „единой помощью“ „единой надеждой“, взывающие к ней со словами „Богородица, спаси нас“, противоречат Слову Божию, по которому спасение совершается одним Богом (Деян. IV, 12. Римл. VIII, 34 и др.).

Так можно формулировать все возражения сектантов против почитания Богоматери. Представим подробный обзор этих возражений на основании Св. Писания и беспристрастной логики.

а) Вопрос об отношении св. Марии к Иосифу совершенно ясно решается в св. Писании. Евангелие гоарит нам, что св. Дева была только обручена Иосифу, как охранителю ее девства (Мф. I, 18 Лук. I, 27, II, 5). Рассказывая о явлении ангела Иосифу пред бегством в Египет и в Египте (Мф. I, 13, 20) евангелист не называет св. Марии женою Иосифа, а в обоих случаях говорит: „возьми младенца и Матерь Его“—ясно, что она не была женой Иосифа.

О том, что св. Мария до рождения и в рождестве Христа пребыла девой, ясно говорит Св. Писание. Архангел Гавриил, явившийся к деве Марии (Лук. I, 27) смутил ее и ее естественную стыдливость своим приветствием: „благословенна ты между женами“. В ответ на ее смущение и вопрос: „как будет это, когда я мужа не знаю (Лук. I, 34)“, ангел открыл ей тайну рождения от нее сына по наитию Св. Духа. В эту великую тайну был посвящен и ее обручник Иосиф (Мф. I, 20—21). След., сектанты не могут набросить тень на непорочность Богоматери до рождения и в рождестве Христа, да это большинство из них и не пытается делать, зато хотят опозорить ее дальнейшую жизнь, но также против Св. Писания. Кто такие были „братья Господни? О них, равно о каких то сестрах Иисуса Христа говорится в евангелии Матфея: „Не плотников ли Он сын? не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий и Симон и Иуда? и сестры Его не все ли между нами“ (XII ст. 55—56) Были ли это родные братья Иисуса Христа и родные дети Св. Марии, как хочется представить сектантам. Они называются братьями Иисуса Христа, но нигде Св. Мария не называется их матерью, а они ее детьми. Ев. Иоанн в числе женщин, стоявших при кресте Иисуса Христа упоминает „сестру матери Его Марию Клеопову“ (XIX, 25) Ев. Матфей также упоминает о Марии, стоявшей у гроба, и называют ее матерью Иакова и Иосии (XXVII—56), св. Марк называет ее „Марией Иосиевой“ (XV, 47) и Марией „матерью Иакова меньшего и Иосии“ (также ст. 40). Братья Господни упоминаются отдельно от Марии, Матери Иисуса, в деяниях апостольских (1—14). След. из приведенных мест ясно, что братья Господни не были родные братья Иисуса, сыновья св. Марии, а были детьми Марии,

сестры матери Иисуса (родной или двоюродной, в данном случае безразлично), значит двоюродными или троюродными братьями Господа.

Название жены было прилагается к св. Марии в смысле женщина, что ясно видно из целого ряда мест Св. Писания, т. е. для обозначения пола, а не брачного состояния, потому что как указано выше, Евангелие называет „девой“ (Мф. I, 18—20) только обрученной Иосифу. Также точно в Писании слово „муж“ означает часто просто мужской пол (Деян. I, 10—11, псалом I, 1). Эта дева, обрученная Иосифу, называется в евангелии женою его (Мф. I, 20). Ясно, что термин „жена“ не дает еще оснований видеть в св. Марии фактическую жену Иосифа, имевшую от него других детей.

Название первенец не требует обязательного наличия других детей, потому что и единственный сын тоже будет первенцем. Закон Моисея предписывал посвящать Богу всякого первенца из детей мужского пола (Исх. XIII, 2), равно как предписывается отдавать Богу первенцев от волов, овец и ослов (там же XXII 29, XXXIV, 19 Числ. III, 13) но нигде не делает оговорки относительно того, что единственные дети пользуются какими то льготами пред законом. Затем евангелие нигде не говорит, как указано выше, что у св. Марии были другие дети, иначе почему Спаситель, вися на кресте, передал попечение о своей матери своему любимому ученику Иоанну (Иоан. XIX, 26, 27).

Значит стремления сектантов опозорить Божию Матерь, должны быть признаны совершенно напрасными и неосновательными.

б) В Слове Божиим нет прямых указаний на то, что Спаситель заповедал почитать Свою Матерь, но из евангелия видно, что сам Христос относился к своей матери с величайшим почитанием. Ев. Лука повествует, что Отрок Иисус по возвращении в Назарет „был“ в „повиновении“ у своих родителей (II, 51). На браке в Кане Галилейской Спаситель исполнил просьбу Своей Матери (Иоанн II, 1—3). Особенную заботливость о ней Он проявил, вися на кресте. Казалось бы, что ничто земное не должно было интересоваться Спасителя в тот исключительный момент, когда совершалось дело искупления людей. Но вот Спаситель видит у подножия креста Свою Мать и мысль об ее женской беспомощности и любовь к ней побуждают Его поручить ее попечению любимого ученика Иоанна (Иоанн XIX, 26—27). После вознесения Спасителя мы видим Св. Марию в обществе учеников Спасителя, и Св. Лука в Деяниях Апостолов выделяет Св. Марию из числа присутствующих, именую ее Матерью Иисуса (I, 14), чем доказывается, что апостолы и первое ядро Церкви первенствующей относились с уважением к Матери Спасителя.

То обстоятельство, что нет прямых повелений почитать Божию Матерь, не должно смущать нас, потому что мы не имеем никакого права рассматривать Евангелия и Послания Апостольские как сборник каких то правил жизни и поведения верующих во Христа, да и сами сектанты по чистой совести не могут сказать что в евангелиях записано все, что учил и чему наставлял Иисус Христос, равно не могут сказать, что они в своем культе и быте руководятся только правилами Нового Завета.

Если нет прямых повелений Спасителя почитать Его Матерь, то есть прямое пророчество ее самой, мимо которого сектанты пройти не могут „отныне будут ублажать Меня все роды“ (Лук. I, 48).

В Евангелии есть места, которые представляются соблазнительными для сектантов. Когда ко Христу, выступившему к народу, пришла Его Матерь и у

Ним, Он спросил человека, доложившего ему об их приходе „Кто мать моя?“ и кто братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего небесного, тот Мне брат и сестра и мать (Мф. XII, 48—50; Мрк. III, 32—35, Лук. VIII 19—20). След., говорят сектанты, Спаситель в этих словах обнаружил явное пренебрежение к Своей Матери. Но приведенными словами Христос выразил только ту мысль, что кроме плотского родства есть еще и духовно нравственное, основанное на исполнении заповедей Божиих. Далее несомненно можно предполагать, что братья Его основываясь на телесном родстве с Ним, требовали особых привилегий для себя в Его обществе. Ведь могли же братья Зеведеевы Иаков и Иоанн, основываясь на своей близости ко Христу, просить себе первых мест в Его царстве (Мф. XX, 20—23, Мрк. X. 35—40). Наконец из слов Евангелия видно, что приход Матери и братьев был, выражаясь грубо, не вовремя. Иисус Христос „еще говорил“ (Мф. XII, 46), Он находился в доме окруженный народом (Лук. VIII, 19). Все эти соображения, полагаем, достаточны, чтобы рассеять сомнения верующих и опровергнуть нападки сектантов.

в) В последнее время сектанты высказывают мысль, что Божия Мать не уверовала в Христа, а оставалась неверующей еврейкой; в евангелиях, говорят они, нет мест о том, что она исповедывала свою веру в Него, как Бога, а потом не выступала никогда с проповедью о Нем, как Боге.

Эта мысль сектантов совершенно не верна. В момент Благовещения, говорят сектанты, она из слов Архангела вывела заключение о рождении от нее Сына,—земного Царя, который восстановит царство Давида. Когда же потом она увидела ошибочность своих ожиданий, она совсем перестала уважать своего сына и ожидать от него чего-то великого. Такие рассуждения слышал я сам лично, и когда мною было указано, что для правильного понимания мирозерцания Св. Марии нужно проштудировать всю первую главу евангелия Луки, то один сектантский начетник заявил мне: „а разве Лука присутствовал при беседе Архангела с девою Марией, и при беседе ее с Елизаветой?“ Дальше итти некуда. Значит, бери ножницы и вырезывай из евангелия и бросай в печку то, что тебе не нравится. Подобное понимание мировоззрения Св. Марии в корне противоречит Евангелию. Архангел открыл ей, что сын ее наречется Сыном Божиим, что он родится от наития Св. Духа; в беседе хотя и упоминалось о престоле Давида, но тут же говорилось о вечном царстве Христа. Дева Мария правильно поняла слова Ангела, и вместо гордости, которая естественно была бы при ее убеждении, что она — Мать земного царя, она обнаружила величайшее смирение. Последующие со-

бытия убеждали Св. Марию в том, что ее Сын есть действительно, не обыкновенный человек, а высочайшее существо. Рассказы пастырей о чудесном видении ими ангелов, возвещавших рождение Спасителя, поклонение волхвов, пришедших из далекой страны и принесших необыкновенные для ее младенца дары, торжественный прием, оказанный ей и ее младенцу при Храме в 40 день по рождении, предсказание Симеона, наконец, беседа 12-летнего отрока в храме с книжниками—все это должно было убеждать Св. Марию в особенном призвании ее младенца. Ев. Лука дважды говорит, что Св. Мария „сохраняла все слова сии (рассказы пастухов) слагая в сердце своем“ (II, 19), и слова, которые она слышала в беседе 12-летнего Отрока в храме (II, 51) В дальнейшей евангельской истории она обнаруживает свою веру в Божественное достоинство Своего Сына и его способность творить чудеса во время брака в Кане Галлилейской, когда она, убежденная во всемогуществе Своего Сына, говорит слугам: „что скажет Он вам, то делайте“ (Иоанн. II, 5). При кресте Спасителя Св. Мария стоит вместе с любимым учеником Спасителя Иоанном, несомненно веровавшим во Христа, и вверяется его попечению. После вознесения мы видим ее в обществе учеников Спасителя, некоторых женщин и братьев Иисуса и все они, по рассказу Св. Луки „единодушно пребывали в молитве и молении“ (I, 14).

Значит, и с этой стороны сектанты неправы, и их нападки на почитание ее ни на чем не основаны.

г) Последние доводы сектантов о запрещении почитать богиню неба, направлены не по адресу: там говорится о богине Астарте, которой православные не почитают, да и почитать не собираются.

Что касается молитвенных обращений к Божией Матери, в которых православные просят: „Спаси нас“, то это обращение не противоречит учению Св. Писания о спасении, ибо оно там имеет двойкий смысл. В прямом смысле спасение совершено Христом и только Он один спас нас на кресте, но из Св. Писания видно, что и люди могут спасать других людей (Римл. XI, 14, I Коринф. IX, 22, VII, 16. 1 Тим. IV, 16), в том смысле, что своей молитвой, примером, наставлением могут обратить человека на путь добра, на путь спасения, обратить ко Христу и тем спасти. В таком смысле употребил это понятие о спасении и ап. Павел в выше приведенных текстах. Поэтому и наша молитва к Божией Матери о спасении может быть выражена так: „спаси нас Своим покровом, заступничеством пред Христом Сыном своим“.

Таким образом, Слово Божие не только не запрещает нам почитать Божию Мать, молить ее о помощи, но и побуждает нас делать это.

„Новые слова“.

Томских Григорианцев—староцерковников.

Томское староцерковное епархиальное управление продает (50 коп.) отпечатанную на машинке брошюру под названием: Голос православного христианина о церковных нестроениях. Само по себе это хитренькое, пошленькое, достаточно поверхностное и совсем не логичное агитационное произведение, рассчитанное на простоту и невежество „мирян“. Нас оно заинтересовало с другой стороны, именно, со стороны, развитых в нем понятий и церковных взглядов, характеризующих удивительную эволюцию староцерковных настроений.

Кому принадлежат эти взгляды, прямого ответа нет, потому, что „голос“ этот выпущен без обозначения автора. Но так как он распространяется официальным в церковном мире учреждением, епархиальным управлением, то само собой, ответственность за направление его идей падает на это управление. А так как само управление упирается в более высокостоящее лицо митрополита, то нельзя при этом забыть и большего имени „Владыки Димитрия“, как его постоянно величает „голос“.

Нас прежде всего заинтриговали следующие строки в начале этого произведения: „каждый человек свободен и волен понимать все интересующее его в жизни, как ему кажется лучшим (?)! Один ищет истину спокойно, добросовестно, не упуская из виду и слабости своих познавательных сил, другой это делает самоуверенно и страстно, забывая все, кроме себя самого, и свое личное разумение и настроение ставя превыше всего; третий в деле познания идет, так сказать, проторенными дорожками, кроме иных путей не видит, да и не желает видеть, считая их непреложными. Ко всяким „новым словам“ такие люди относятся подозрительно и враждебно только потому, что „новшества“ для них непривычны и требуют для своей оценки и усвоения некоторой активности мысли и нравственной работы.

Повторяем, что это место заинтриговало нас. Очевидно мы принадлежим к третьему разряду искателей истины, п. ч. Речь о „новых словах“ в кавычках нам показалась, действительно, подозрительной. Посудите сами. Староцерковники мечтают о каких то „новых словах“. Начинаем вчитываться. И что же? Действительно „голос“ звучит слишком уж по новому, и эти „новшества“ нам показались очень интересными, чтобы можно было их замалчивать. Вот они по порядку.

„Голос“ начинает с того, что ссылаясь на писание доказывает не просто наличие церковных разделений во все времена христианской истории, а их, так сказать, нормальность, законность. Судите сами. Вот что он пишет: из книг каждый может видеть, что разделения во мнениях среди верующих начались с первых же дней существования церкви. Уже слушатели Иисуса Христа не одинаково относились к нему; то же разделение было в век апостольский и во все последующие века Христианской истории, дошло и до наших дней; да иначе и быть не могло. Объяснение последнего положения „голос“ находит в свободе человека, признанной самим И. Христом.

В этом освещении наличия разделений „голос“, взявшийся руководить „мирян по слову Божь, не нашел нужным осветить вопроса: а как слово Божие смотрит на эти разделения? Признает ли оно их нормальным явлением, или уродливым, законным, или нежелательным? Отмечая их наличие, „голос“ не вспомнил ни величественной притчи Господа Иисуса Христа о добром пастыре, объединяющем в одно стадо разных овец (Ио. 10,16), ни Его вдохновенной перво-всехнической молитвы пред страданиями: „да будут вси едино“, „да будут едино, как мы едино“ (Ио. 17, 21—22). Цитируя 1 Кор. 12—13, „голос“ замалчивает 10 стих этой главы. А этот стих гласит: „Умоляю Вас, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы „соединены были в одном духе, в одних мыслях“.

Почему же он так поступил? Со стороны может показаться, что тут просто одностороннее увлечение предметом, в худшем случае, богословская малограмотность. На деле это не так. Нет. Этот способ освещения предмета результат сознательного оправдания церковных разделений. Скажете, к чему это нужно? А вот как раз в заключение статьи и ответ на этот вопрос. „Голосу“ нужно оправдать отпадение Владыки Димитрия от законной церковной власти“. А потому в 7 отделе „голоса“, когда делаются выводы из его разсуждений, второй вывод гласит: „Из внешних форм церковной жизни и их внешних отношений, хотя бы традиционных и привычных, не следует создавать себе кумиров и преклоняться пред ними, поставляя их на место христовой истины, мира и любви, вне которых

церковные формы теряют свой смысл и значение; поклоняться Богу должно в духе и истине“.

Действительно, для староцерковника, слившегося с внешней формой церковного быта, это „новое слово“, которое нам нужно запомнить. Внешние формы церковности у них теперь противопоставляются внутренней верности Христу.

Подробнее последняя мысль развита в следующих строках „голоса“: „благо жизни людей заключается в ее объединении около Христа, что совершается в церкви. Такое объединение состоит в единомысленном исповедании веры и единодушии жизни по учению веры. Потому всякий человек, исповедующий веру церкви, как эта вера выражена в догматах церковных, и поступающий в своей жизни и деятельности согласно учения веры, всякий такой человек является действительным учеником Христовым. В сообществе с другими такими же, живущими во имя Христово, он соединяется с самим И. Христом, который сказал: „где двое или трое собраны во имя мое, там я посреде их“. Эти люди находятся между собой в духовном родстве, которое тем глубже и теснее, чем более они захватываются и проникаются единством веры во Христа и стремлением жить по его заповедям“.

Удивительное „новое слово“ староцерковников. Полагаю, что под ним обеими руками подпишутся любые сектанты евангельского направления: баптисты, адвентисты, евангельские христиане. Но в нем нет ничего специфически православного.

Спросите: чем опять вам не угодили в этом рассуждении? Не простая ли это придирчивость с вашей стороны? Нет не придирчивость. Во всем приведенном отрывке нет речи о церкви, как опасющем людей установлении. Речь идет лишь об объединении людей со Христом и о духовном их родстве. В духе этого взгляда, в другом месте „голос“ пишет: „по слову того же апостола, не должно иметь никакого значения, кто и к какой группе себя причисляет: павловой, кифиной или аполосовской, потому, что „разве разделился Христос“? Так что, пожалуй, под это определение безразлично пойдут и сектанты в общении с григорьевцами, потому, что и они веруют во Христа и живут по вере, так „разве разделился Христос“?

Не так рассуждает об этом церковь. Приведу выписку из слов прот. Нордова-проповедника, писателя старого времени, следовательно, вне подозрений со стороны „новшества“. Вот как он определяет, кто может называться истинным сыном церкви Христовой: „тот есть истинный сын церкви, кто мыслит, рассуждает и верует так, как богомудрствует св. церковь: тот есть истинный сын церкви, кто свято и бесприкословно исполняет все законоположения и уставы св. церкви. Тот есть истинный сын церкви, кто чисто исповедует и с любовью приемлет все св. церковью содержимые и преподаваемые таинства. Тот есть истинный сын церкви, кто благовейно чтит св. церковь и повинуется ей, кто приемлет пастырей церковных, как истинных служителей и строителей тайн Божиих, и слова учения, и духовную власть их чтит, как учреждения божественные. Тот есть истинный сын церкви, кто уповает получить благодать и милость от Бога только в спасительных недрах ее, и потому пребывает верным ей до последнего издыхания. (Дьяченко. Катех. Поуч. 286). Вот к этому определению сектантов не притянешь и на аркане.

Скажете: опять богословская неграмотность автора „голоса“. И опять таки нет. Опять таки намеренное, сознательное „новое слово“, для оправдания „отпадения владыки Димитрия от законной церковной власти“. Григорианцы не могут отрицать у сергиевцев наличности церковной полноты жизни, несмотря на все со-

употребления, уродливость и искажение там идеи церкви. самого страшного, ереси, которая могла бы оправдать отделение от церкви (двукр. соб. 13, 14, 15), там установить нельзя. В расколе от григорьевцев их тоже не обвинишь, п. ч. не сергиевщина отпала от григорьевщины, и на оборот. А если так, то является вопрос, что же представляют из себя григорианцы после отпадения от м. Сергия? Раскольники? Сознаться в этом не хочется. Волей не волей приходится говорить о второстепенном значении внешних, традиционных форм церковной жизни и упираться на свое общение со Христом и духовное единение со всеми, верующими во Христа, что и делает „голос“. Да это мысль не одного только автора „голоса“. У м. Дмитрия в его второй апологии, выпущенной под названием „мои мысли“, как раз проводятся те же самые мысли, „мысли“ о духовном единстве верующих во Христа и замалчивается о внешнем, формальном, жизненном общении церковей. Выходит, выражаясь короче и проще, григорианцы заявляют так: мы, правда, от Сергиевцев отделились, но мы остались со Христом, а чрез него в духовном родстве со всеми, верующими в него. Значит, мы православные христиане.

Таким образом, разделение по внешности и единение по духу—вот два „новых слова“ григорианцев. Эти выводы интересны сами по себе, как тоже „новые слова“ и в тоже время они покажут правильность нашего понимания двух, вышеизложенных принципов. Поэтому пойдем далее.

Во втором отделе „голоса“ читаем: Все обвинения, т. о., переносятся исключительно на почву церковных канонов, т. е., правил, проявлявшихся на протяжении многих веков в жизни церкви, при самых разнообразных исторических и бытовых условиях и в различных местах обширного византийского государства. Все эти правила составляют предмет особой специальной науки, каноники, о существовании которой, громадное большинство мирян, да и одних ли только мирян, в настоящее время даже и не подозревает. По этому в основательности канонических обвинений, возводимых на томского владыку, миряне разобраться не могут (хороший довод от невежества). Если же они этими обвинениями все-таки смущаются, а некоторые и отпадают, то все это происходит от слепого преклонения пред выше указанным авторитетом центральной законной церковной власти“.

Скажите, что означает это не доброжелательное отношение к церковным канонам? Пока староцерковники были все вместе под властью Тихона и Петра, у них так горделиво произносилось слово „каноническая“ церковь. Стоило образоваться у них расколу, и каноны сделались не удобными. Понятно. Они определяют нормы внешнего порядка церковной жизни, а этот порядок григорианцы нарушили. Почему и приходится им проповедывать, что из этих форм не следует делать себе кумиров. Вот почему они так нерасположены к канонам. Их отзыв о канонах иные могут почесть копировкой обновленчества, тем более что все томские староцерковные руководители были когда то обновленцами. Но это было бы не справедливо. Они были в обновлении давненько, а поэтому и не знают современного положения этого вопроса в обновлении. Обновление чтит каноны и их не уничтожает. Оно восстанавливает древнейшие формы церковной жизни, наиболее близкие к апостольским, наиболее христианские. Освобождается же от форм, привзошедших в церковь под влиянием цезарепапизма в позднейшие времена. Это совсем другое дело. Так что григорианцы в „голосе“ шагнули в другую сторону. Обновленчество православно, потому связано формами, буквой. Григорианцев оно не устраивает. Их более влечет свобода

сектанства. Что же, пожелаем им итти еще дальше, пока не упрутся в непроходимую стену. А стена эта как раз уже перед ними. Вот она. Делаем выписку из „голоса“. „Но как же мирянину незнающему каноники, осмысленно разобраться в волнующем его вопросе, за кем следовать в своей религиозной жизни. Да руководствоваться, как уже было сказано, указаниями всегда имеющихся у них-евангелия, деяний и посланий апостолов, а так же при свете их руководствоваться, своей совестью, рассуждением, жизненным опытом и мнениями лиц сведующих и заслуживающих доверия“.

Вот мудрецы, ухитряющие канонические, житейские, дисциплинарные споры решать на основе свящ. писания! Нам эта попытка представляется очень серьезной по своим последствиям. Все равно, как если бы гражданское законодательство стало подводить под уголовные законы житейские столкновения повседневной жизни. Ведь в результате получилось бы что? тюрьма, ссылки и под. там, где достаточно лишь замечания, выговора, штрафа. Писание имеет дело с вопросами вечного спасения, а тут его привлекают к разбирательству дисциплинарных отношений. Но это еще цветики, а ягодки впереди. Правда, Новый Завет, м. б., у мирян имеется под руками. Но как же из него извлечь необходимые указания для разрешения волнующих мирян вопросов. Разве разумение писания такое простое дело? А вот, говорят, вам на помощь собственная совесть, житейский опыт, мнения сведующих и заслуживающих доверия лиц. Т. о. проповедуется полный субъективизм в столь серьезном деле. Открывается полная свобода для каждого понимать писание, как ему подсказывает его личное разумение, его совесть, его житейский опыт. Это число сектантский прием, вот уже второй раз так явно проповедывающий в рассуждениях „голоса“. Он проповедует в совершенстве протестантский принцип отношения к чтению и пониманию откровения.

Православная же церковь учит искать истину не в своей совести, не у сведующих и заслуживающих доверия людей. Она говорит: „истинное учение Христово и о Христе, без всякого повреждения, сохраняется только в Его истинной, православно-кафолической церкви, а без такого учения не может быть истинною или православною и наша вера (Макарий, догмат бог 239). „Делаем другую выписку из учебника „православно-христианское вероучение“ свящ. Березина. „Нужно помнить, что полагается в деле понимания бож. откровения только на свой личный разум, недостаточно глубокий и не редко односторонний, чрезвычайно опасно; вместо обретения истины можно впасть в заблуждение. Поэтому, необходима помощь, надежное руководство в столь важном деле; такую помощь и руководство может оказать только церковь, одушевляемая духом Божиим. Она, по апостолу, есть „столп и утверждение истины“ (49—50), смотрите, Григорианцы, куда вы толкаете мирян с вашей теорией чтения евангелия! Впрочем, тут может быть вами руководит и личный интерес. Когда дисциплинарные проступки клириков будут по вашему методу рассматриваться по писанию, то в качестве сведующего лица можно мирянам подсунуть притчу о блудном сыне и падшему раскроется „объятия отчи“. А с канонами дело хлопотливое. Вон св. Василии ведь какой строгий! Он пишет „о состоящих в клире правила положены безразличны. Они повелевают определяти и падшим единое наказание-извержение от служения, неходятя ли они в степени священства, или проходят служение, неимеющее рукоположения священства, (пр. 51). Ну кому же охота вспоминать такие правила? По писанию легче и проще. Писание же сведующих и заслуживающих доверия людей из „голоса“. Как они будут нам толковать это писание!

Выписываем из „голоса“. „Теперь не всякому епископу можно верить, не всякое слово его можно слушать и не всякого епископа следует уважать только потому, что он епископ и носит апостольский чин: ведь Иуда был тоже апостол“ (Здесь обратим кратко ваше внимание на вышеприведенную выписку из прот. Нордова. Там совсем другие мысли. Но будем выписывать далее григорианские откровения). „И так, христианин, обязанный слушать Христа и церковь, не должен забывать, что под видом церковных предстоятелей и пастырей могут быть и „волки хищные“, и „наемники“, и незаконно поступающие церковные пратели—самочинники. По плодам их узнаете их, скажи. Христос. А потому из епископского сана и формальной церковной законности не следует христианину создавать себе какого то кумира, идола, или фетиша, и слепо преклоняться пред ним. Это будет чисто внешним, формальным отношением к важнейшим установлениям церкви, слепым и безответным доверием „всякому духу“, от чего предостерегает ап., это будет буквализмом, а буква убивает, и только дух животворит.

Вот толкования евангелия, деяний и посланий апостолов при руководстве совести, житейского опыта и сведующих людей.

Апокалипсис именует епископов ангелами церквей. Ап. Павел в послании к евреям (гл. 13 ст. 7 и 17) заветствует вспоминать наставников и покоряться им. Сам И. Христос сказал апостолам: „слушающий вас меня слушает и отвергающий вас меня отвергает (Лук. 10, 16), а епископы являются заместителями апостолов, след., и наследниками их чести. Почему же сведующие лица и авторитетные руководители „мирян“ в понимании писания обошли молчанием эти места и к епископам применили хульные именованья, какие специально к ним в писании не отнесены, а имеют в виду вообще лжеучителей? Не следовало ли бы им в этом случае задуматься вот над этим местом книги Деяний Апостольских: „Первосвященник Анания стоявшим перед ним приказал бить его (Павла) по устам, Тогда Павел сказал ему: „Бог будет бить тебя, стена подбеленная. Ты сидишь, чтобы судить по правде и, вопреки закону велишь бить меня. Предстоящие скажи: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник, ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь“ (23). Так то, григорианцы! Вы читаете слово Божие по своему разумению. Св. Отцы настойчиво внушали верующим уважение именно к сану епископа, и народная совесть эти наставления помнит. Даже в случае недовольства носителем сана, он заставляет делать оговорку: „кроме его священства“. А вот указание по этому вопросу из ненавистных, м. б. и незнакомых вам, канонов. Ап. Прав. 55 говорит: „аще кто из клира досадит епископу, да будет извержен“. Так о епископах учит св. церковь. григорианские же слова действительно „новые слова“ и добавим „худые слова“.

Так значит епископство нужно чтить не за сан. Так за что же? За личные достоинства носителей этого сана? Да если это правило применить в широком масштабе, то, поверьте, не останется ни одного епископа, ни одного священника, не зазренных совестью мирян, не опороченных. Потому то церковь Христова и ввела в этом деле такую осмотнительность и формальность—допускать порочение епископа только по суду и то не иначе, как по свидетельству людей, заслуживающих доверия. Целые разряды людей не допускаются до свидетельства против епископа (2 всел. соб. пр. 6, 4—соб. пр. 21). Григорианцы же имя епископов бросают под ноги толпы, да еще ее натравливают не делать из этого имени кумира, идола, фетиша.

Но хотя они это правило и высказали, однако „голос“ не удержался и для григорианцев такого кумира, фетиша рекомендует изо всех сил. Это солнце на церковном небосводе, конечно, Владыка Димитрий. За ним вот можно идти слепо. Впрочем, послушайте сами, как он об этом рассуждает. „Зная его высокую просвещенность, отмеченную синим наперсным крестом степени доктора богословской науки, можно ли допустить, чтобы Владыка в избрании того или иного образа действий мог впасть в непростительную легкомысленную ошибку. Не естественнее ли питать в себе уверенность в том, что образ действий владыки строго и многосторонне обдуман, хотя иным и кажется непонятным и даже соблазнительным „sic“ Томский Вл. Димитрий есть христианин, право и непогрешительно исповедующий учение Христово „sic“ Достойнейший иерарх православной церкви и светильник веры Христовой“.

Наивные богословы из „голоса“ полагают, что церковные нестроения и заблуждения возникли исключительно по вине невежественных и злонамеренных людей на подобие их самих. Пусть же вспомнят великие имена Оригена, Августина, Иеронима. Это имена неподражаемых учителей и ученых. Однако все они омрачили свою славу некоторыми неправильными мнениями. Вспоминая эти примеры, может быть, устыдятся своего возвеличения непогрешимости „Вл. Димитрия“ до степени католического догмата о папской непогрешимости.

Церковь православная основана не на отдельных епископах, хотя бы и с синим крестом на груди, а на Господе Иисусе Христе. И понятно, Писание свидетельствует, что Бог и слугам своим не доверяет и в ангелах своих усмотрел недостатки (Иов. 4, 18); даже ангелы согрешили (2 пет. 2, 4), не сохранили своего достоинства, но оставили свои жилища (Иуд. 2, 6). Что же ожидать можно от человека, какого бы ума он ни был. Ведь человек все же ниже ангела, хотя и „малым сим“ (псал. 8, 6). Поэтому думается, и учнейшему Вл. Димитрию не должно казаться оскорбительным, если ему прочтем из книги деяний ап., что проконсул Фест сказал ап. Павлу: „безумствуешь ты, Павел, большая ученость доводит тебя до сумасшествия“ (26, 24).

Это место мы прочитали не просто для красного словца, а имея в виду дальнейшие откровения „голоса“ о Вл. Димитрии. Тут уж действительно возмущается какая то белиберда, бред сумасшедшего, вот слушайте, что повествует нам „голос“. „Соблазняющийся канонической стороной отпадения владыки Димитрия от законной церковной власти пусть почитают его. Апология разоряет субботу у почитателей буквы и внешней формы церковных канонов, из которых эти люди создали фетиша, как евангельские законники создали фетиша из ветхозаветной субботы. Но ведь такую субботу разорил и Сам Христос, как поется в одном из песнопений страстной седмицы, Христос указал, что суббота для человека, а не человек для субботы, и что Богу нужно кланяться в духе и истине.

Вот уж „новое слово“ так новое. Апология м. Димитрия разрушила субботу. Что это такое? Уж не поют ли Григорианцы по современному; мы старый мир разрушим, а новый создадим? Какую субботу, как разрушила? Пояснений нет, а только указано, что и Сам Христос разорил такую субботу, как поется в песнопении страстной седмицы. Мы уже ранее замечали, что „новые слова“ вызывают у нас подозрение. А здесь еще замешано имя Христа. Потому требуется особенная осторожность в принятии этих слов. Какую субботу и как разорил Христос? Ведь Он пришел не нарушить закон, а исполнить (Мф. 5, 17). А вот, го-

ворят, поется в песни церковной. Да, знаем эту песнь. Но „голос“ не проверил свою память, когда ссылался на эту песнь. А в ней вот что поется: Иуда говорит— что мне хотите дать, и аз предаю вам одного, закон разорившего и осквернившего субботу (Седален Вел. Субботу пред. 4 ев.). Ведь это совсем не то, что в „голосе“. Во-первых, не Христос разорил, а это Иуда Его обвиняет. Зачем же повторять слова Иуды, когда знаем слова Самого Иисуса Христа, что он пришел не нарушить закон, а исполнить? Во вторых, и Иуда обвинял Христа в разорении закона, а не субботы. В третьих, субботу, по словам Иуды, Христос осквернил, не разорил. Осквернил, очевидно, своими делами в субботу, а чрез это и разрушил закон.

Что же подобного совершил в своей апологии Вел. Димитрий? А вот, говорят, „она разоряет субботу у почитателей буквы и внешней формы церковных канонов, из которых они создали себе фетиша? Допустим, согласимся. Хотя и трудно эти иносказания выразить в совершенно определенной форме, однако, какой же из этого вывод? Не свидетельствуют ли Григорианцы этим сообщением о разорении канонической субботы, что их непогрешимый Владыка Димитрий не так уж невинен в своих действиях? Он взялся за какое то разрушение старых церковных понятий, привычных форм церковного быта, отношений мирян, да и одних ли только мирян, к важнейшим церковным установлениям, как это явствует из вскрытых нами „новых слов“ григорианцев. Действительно, если то, что изложено в „голосе“, на самом деле исповедуется и проводится Владыкой Димитрием, то его заблуждения становятся нам очевидными. Он отверг внешнее церковное единство, заменивши его духовным единением во Христе; он отверг формы и букву канонов и принимает их только по духу; он допустил и в пользовании св. Писанием сектантский принцип личного разума. Это из „голоса“ следует с несомненностью.

Значит, в лице григорианцев явились реформаторы староцерковства. Они об этом похваляются в этом „голосе“. Правда, немного темно, сбивчиво, непонятно.

Наберитесь же духу, новые реформаторы, и обстоятельно, откровенно заявите своим мирянам: мы де порвали со староцерковством в лице сергиевщины, п. ч. нам с ней не по пути. Она принимает каноны, а мы признаем их только по духу. Каноны для человека, а не человек для канонов. Потому, когда нам выгодно (лучше), мы их признаем, а когда не выгодно, мы их „разоряем“. Установившиеся формы церковной жизни хотя и привычные, мы тоже отвергаем. Потому церковное единение нам не обязательно. Достаточно, что мы со всеми соединены верою в одного Христа. А все прочее не важно. Мы не хотим из него делать себе кумира. Потому мы не смущаемся церковными делениями. Они всегда были. Почему же и нам не по работать на пользу разделений? Не преклоняйтесь пред авторитетом церковной власти. Сами, своим умом решайте по евангелию и посланиям волнующие вас вопросы. Не поддавайтесь насилию церкви.

Вот тогда народ вас поймет. Правда, другой вопрос, много ли пойдет за вами? Но не обращайтесь на это внимания. Проповедуйте свои убеждения без экивоков, а открыто, чтобы было честно. Перестаньте укрываться под знаменем староцерковства. Скажите, что вы его разрушили.

Ну, а на самом деле, не наберетесь ли силы? Что! Трусите?

Однако эта роль вам не по плечу. Вы способны своими „голосами“ только разводить демагогию. Разве мы не понимаем, что весь этот треск „новых слов“— лишь обычная домашняя воркотня оскорбленного самолюбия. Ничего вы не разрушили. Это одни слова пустые. А просто обиделись, откололись и теперь машаете руками, как заправские забияки. Ведь „голос“ этого не утаивает. Наоборот, с серьезностью внушает: „вот такого иерарха то отлучают, то запрещают. Это делает такой представитель церковной власти, в законности которого в настоящее время можно серьезно и добросовестно сомневаться, или даже прямо отрицать его право на главенствующую роль церковной власти, как это сделали многие русские иерархи, не менее его почтенные и свободные от упреков в увлечении обновленчеством. Кроме того „сомнительно главенствующий“ иерарх позволил себе в отношении Вл. Димитрия такие действия, формальная незаконность которых и нравственная несправедливость являются несомненными и очевидными для всякого члена церкви, даже специально и не знакомого с каноническими ее правилами“.

Нам нет нужды разбираться, как и почему там эти иерархи друг друга запрещают и отлучают, отвергают. Но для нас очевидно, что „отпадени“ Вл. Димитрия от митр. Сергия построено на почве личного оскорбления. Это теперь признано самими григорианцами. И вот, для оправдания этого положения они строят „новые слова“—целые новые теории, неслыханные в богословской православной науке, граничащие о сектанством, о ересью. Это только мы и имели в виду отметить.

Таким образом, вся эта григорианская заваруха создавалась около имени „Владыки Димитрия“. Имя Вл. Димитрия внушает слепое доверие его непогрешимости; имя Вл. Димитрия создало раскол; имя Вл. Димитрия вытесняет представление о церкви; имя Вл. Димитрия бросет в грязь достоинство епископов, его противников; имя Вл. Димитрия—столп и утверждение истины; имя Вл. Димитрия опора и надежда григорианцев. При таком уповании на этого старца у руководителей „мирян“ не вспоминаются при чтении евангелия слова Христа об Иоанне: „он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его (Иоан. 5, 35). Не вспоминаются слова, хотя и не из евангелия, но все же общеизвестные: „не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения. Выходит дух его и он возвращается в землю свою. В тот день исчезают все помышления его (пс. 145, 3—24). И Вл. Димитрий человек, и смертный. Ну, а что же будет тогда, после его смерти?

Для живущих общественно церковной жизнью при всех переменах в людях остается неизменно единая, святая, соборная и апостольская церковь. Для вас же с отходом из вашей среды опоры вашей, Вл. Димитрия, останется только разрушенная им суббота, и при этом разбитом корыте вы, осиротелые отщепенцы от Христовой церкви.

Архиепископ Сергий.

Томск. 1929 г. 7 марта.